

\*\*\*

Я сижу, а вокруг песочница,  
И песок никогда не кончится.  
Я иду, но повсюду статика.  
Бесконечность  
Внутри  
Квадратика.  
В ухо шепчет тоска зубастая:  
40 лет по пустыне шастаешь,  
40 лет по песку фанатиком  
Вдоль квадратака,  
По квадратику.

По квадратику в роли нолика  
Мимо ценников,  
Мимо столиков.  
Мимо рук, разговоров, глупостей,  
Мимо радости, мимо юности.

А песок никуда не денется.  
Что имеешь ты, красна девица?

Я ложусь,  
И пространство сыплется  
На бессонницу и бессмыслицу.

Я встаю, а вокруг песочница.  
И песок никогда  
Не кончится.

\*\*\*

Сколько шагов до квартиры  
Запомнит лестница?  
Сколько ворон  
На запястьях берез  
Поместится?  
Будет ли май  
Для ожившего слова  
Поприщем  
Или опять  
Сквозь весну  
Ничего не помнящим?  
Или опять безголосо брести  
По сырости,  
Думая, как  
Что-то, кроме молчанья,  
Вырастить?

Сыплется со штукатуркой  
Невоскресимое.  
Слово спаси мое,  
Слово спаси мое,  
Слово спаси мое.

\*\*\*

Зимой внезапно вспомнишь крики чаек  
И как волною ласково качает  
На горизонте лодки рыбаков.  
И снимешь шлепки, чтобы босиком  
По шишкам, мать-и-мачехе, ракушкам  
Под тенью сосен к морю от избушки,  
И на сгорающую спину – детский крем.

Сугробами в бесцветном декабре  
Бредем туда, недель не различая,  
За солью на губах, за криком чаек,  
Сплетя июльский берег  
В оберег.

# Родословная

Было ли поле,  
Лихой галоп,  
Сон на сухой траве?

Дедушка курит,  
Чуть выше стоп  
Шишки раздутых вен.

Есть родословная:  
Род  
Из слов.  
Как бы Слова сберечь?  
Прежде – весомые, да снесло  
Время живую речь.

Время не даст сквозь себя прыжок.  
Нам – что Мстислав, что Ной.  
Дедушкин брат воевал. Ожог  
Он называл спиной.

Только заходят под вечер в дом  
Сквозь череду ворот  
Те, кто, живя в черно-белых «до»,  
Нас защищают от.

\*\*\*

Одеяло растет, заполняет пространство  
комнаты,  
Накрывает паркет, прикроватную тумбу, стол.  
Время суток – ноябрь. Солнце вздернуто  
и задернуто,  
Прячет ночь пустоту в подол.

Принимайте таблетки, наденьте халат  
и тапочки,  
Ваши ноги из ваты, а в череп воткнулся  
штырь.  
И глядит сотню лет желтым глазом на койку  
лампочка,  
И растет одеяло вширь.

Расплывается время, часы тишину  
коверкают,  
Отрывается лампочка, кружится над столом.  
Тыходишь к столу,  
Человечек (тире) фанерка,  
И боишься моргнуть,  
Человечек (тире) разлом.

\*\*\*

*Памяти Егора Летова*

У Егора тулуп да прибитый куплет к столбу,  
Раскаленная печь да смолистая связка дров.  
Безымянное время наполнит его избу,  
Безымянная речка наполнит его ведро.

У Егора – стихи, а повсюду – таежный лес,  
И скрипит синим снегом под валенками  
Сибирь.

Так уходят скитальцы, к груди прижимая крест,  
Заменяя промышленный хаос на монастырь.

Так уходит уставший пластмассу ломать  
дикарь

После вечной весны несмолкающих оборон.  
И теперь у него есть пристанище и декабрь,  
Да река, до краев наполняющая ведро.

\*\*\*

Потому что когда-то мы жили с тобой в горах  
И имели бунтарских дух, и горячий нрав,  
Плавя солнце затылком, ловили ветра  
в рукав,  
Рысью мчались к обрыву.

Жгли ночами костры, пели хором и пели  
врозь.

Наши горы, простите,  
Не вышло, не удалось  
Сохранить дух мятежного края в лихом  
«Авось»,  
Удержаться за гриву.

И теперь мы сидим в тесных кухнях, едим  
борщи,  
Носим брюки со стрелками, галстуки и плащи,  
Нас так мало среди разговоров, имен, вещиц,  
Нас до ужаса мало.

Но случаются странные теплые вечера,  
Вспоминаются лица, привычки и номера  
Тех, с которыми тысяча слов до семи утра  
Под одним покрывалом.

С кем бродили по крышам, как будто  
по склонам гор,  
И шутили о грустном потерям наперекор,  
И внезапно становится радостно и легко,  
Радостно и легко.